

парадигматическим и синтагматическим отношениям, т. е. по элементам и по связи этих элементов. Крайне интересными при этом окажутся изоморфность годового календарного цикла и суточного цикла с их делением на части по переходным («опасным») временным рубежам с противопоставлением дня и ночи, лета и зимы и т. п. Существенно в будущем обратить серьезное внимание на связь окказиональных обрядов с календарными, а календарных — с семейными, на типы обрядовых текстов (вербальных и невербальных) и на их связь с текстами необрядовыми. Для решения всех этих проблем понадобится новый материал, который, как показывает практика, может быть собран, но важно, чтобы он собирался интенсивно и планомерно. Это ставит перед этнографами, фольклористами и лингвистами ряд практических задач, и в первую очередь задачу составления подробных вопросников для сбора полевого материала.

Книга В. К. Соколовой еще раз показала: новый материал не столько подтверждает прежние, старые выводы, сколько ставит новые проблемы исследования.

Н. И. Толстой

С. С. Агаширинова. Материальная культура лезгин. XIX — начало XX в. М., 1978, 304 с.

При оценке любого исследования по проблемам этнографии народов Кавказа необходимо учитывать особенности этого региона, который отличается характерным для него сочетанием некоторых пережиточных явлений с высоким уровнем общественно-экономического, культурного и политического развития, что объясняется способностью некоторых традиций приспособиться к новой для них естественно-исторической среде. Этим можно объяснить и ту решающую роль, которую сыграл этнографический материал по Кавказу в теоретических построениях М. М. Ковалевского, М. О. Косвена и др., внесших весомый вклад не только в кавказоведение, но и в разработку проблем общей этнографии. Со временем, однако, в использовании материала о пережитках для исследования проблем исторической этнографии проявились тенденции к абсолютизации пережитков и архаизации современности. Получила широкое распространение «теория» нескончаемого родового строя на Кавказе, направившая исследование социальной организации народов Кавказа в неверное русло и заведшая его в тупик. Затем в качестве антитезы этой тенденции родилось крайне скептическое отношение к историкоэтнографическому значению данных о пережитках и даже полное отрицание их бытования в современности, включая сюда и сферу социальных отношений. Вряд ли имеет смысл сейчас доказывать, насколько подобная установка в научном отношении несостоятельна, а в общественном вредна.

В процессе преодоления ошибок, связанных с этими крайними позициями, кавказский этнографический материал, в первую очередь по Сванетии снова сыграл решающую роль. Начиная примерно с 1960-х годов понятие «род» по отношению к этнографической ситуации на Кавказе XIX в. было заменено понятием «патронимия», а «семейная община» — «большая семья». Это имело, конечно, не только терминологическое значение, а означало серьезный и принципиальный сдвиг в развитии кавказоведения, порвавшего с «родовой» теорией и ставшего на путь критического переосмысления наследия дореволюционной кавказоведческой литературы.

Рецензируемая монография С. С. Агашириновой «Материальная культура лезгин, XIX — начало XX в.» по научной ценности материалов и значимости выводов отражает современный этап развития кавказоведческой этнографии, проливает новый свет на важнейшие стороны культуры и быта лезгин, содержит богатую информацию по вопросам культурно-исторических связей между народами горного Кавказа, а также по общей этнографии. Исследование состоит из «Введения», содержащего краткий обзор литературы по вопросу и определяющего цели и задачи работы и, шести основных глав, в которых последовательно рассмотрены хозяйственный быт, домашняя промышленность и ремесленное производство, поселения и семейно-общественные отношения, типы жилища, одежда, украшения и пища. Книга завершается «Заключением», в котором сделаны основные выводы из исследования.

В части, касающейся хозяйства, автор дает краткую характеристику земледелия и скотоводства, особо останавливаясь на вопросе об удельном весе каждой из этих отраслей хозяйственной деятельности лезгин. Автор считает, что вначале ведущая роль принадлежала земледелию и только потом перешла к скотоводству.

Интересны данные, касающиеся форм землевладения — вопроса еще недостаточно изученного для этого региона. Сжато охарактеризованы типы сельскохозяйственных орудий и формы организации труда. Не забыты и подробно описаны особенности лезгинского народного календаря, отражающего занятия населения как земледелием, так и скотоводством. Описаны некоторые сельскохозяйственные обряды; приведены материалы о формах отходничества и извозного промысла, игравшего немаловажную роль в хозяйстве лезгин.

В следующей, значительной по объему главе подробно описаны домашние промыслы, удельный вес которых в хозяйственной деятельности лезгин и уровень развития были достаточно высоки.

Основную часть монографии занимает третья глава, посвященная поселениям и семейно-общественным отношениям. Эта часть рецензируемой работы начинается с рассмотрения форм поселения, подробная характеристика которых дает возможность автору на конкретном и надежном материале исследовать особенности социальной организации лезгин в прошлом. Касаясь факторов, исторически формировавших горный тип поселения, автор, на наш взгляд, справедливо критикует мнение, согласно которому определяющим было малоземелье. С. С. Агаширинова, опираясь на обширный этнографический материал по горному Кавказу, убедительно доказывает, что это были главным образом сооружения обороноспособности. То же самое необходимо отметить и относительно башенной культуры, поскольку существует мнение, что якобы основной функцией башни было задержание снежных лавин.

После общей характеристики форм поселений автор переходит к их классификации, выделяя в качестве особых форм поселения типа *хубр*, *казмалары*, *оба*, не объясняя, однако, принципа классификации. Видимо, в основу ее положены время и условия образования поселений. В разделе «Поселение как источник изучения общественного быта» С. С. Агаширинова дает развернутую характеристику семейного быта, в частности, большой семьи и развивавшейся в результате ее сегментации патронимии. В этом разделе особый интерес представляет богатый фактический материал, характеризующий социальную природу большой семьи и, самое главное, форму собственности, от которой зависит распределение функций между членами семьи и их имущественно-правовое положение. Такой подробной документации структуры семьи лезгин с указанием генеалогических схем мы до сих пор не имели.

Кроме общих черт, характерных для патронимии народов горного Кавказа и хорошо известных по другим публикациям, автор выявляет целый ряд особенностей, проливающих свет не только на историю общественного быта лезгин, но и на некоторые закономерности, общие для народов Кавказа. В этом отношении следует в первую очередь отметить разнообразие видовых наименований патронимии, среди которых, наряду с заимствованными терминами, имеются и местные. Таковы, например, термин *мисерар*, по материалам автора, охватывающий широкий круг родственников в пределах *сихила* и его подразделения, которое обозначается термином *тухум*, распространенным во многих районах горного Кавказа.

Автор на новом материале смог дать конкретную картину, воспроизводящую формы патронимического владения, в частности совместное владение дочерними семьями неразделенной частью имущества сегментированной семьи, что и составляло основу общности хозяйственных интересов патронимии, о которой автор пишет: «... в начале XIX века, несмотря на то, что процесс расслоения патронимии зашел у лезгин очень далеко, многие тухумы еще продолжали жить компактными группами» (с. 145). Здесь можно было бы провести аналогию с другими районами Кавказа, по которым имеется довольно большая литература.

Суммируя данные полевых исследований, автор пишет: «Наши материалы выявляют у лезгин в пределах патронимии разные родственные отношения сообразно разным ступеням родства: 1) миресар (все родственники с отцовской стороны), 2) яргьал миресар (дальние родственники по отцовской линии), 3) мукьявал миресар (близкие родственники с отцовской стороны) и, наконец, 4) тузьлук миресар (подопечные родственники)» (с. 141). Сущность категории «подопечные родственники», представляющей, очевидно, особую форму родственных связей, к сожалению, не раскрыта. Большой интерес представляет зафиксированный автором термин *рага*, употребляемый для обозначения наиболее широкого круга родственников, а также некоторые нормы взаимоотношений, характеризующие права и обязанности, вытекающие из факта принадлежности того или иного лица к данной патронимии.

Умело используя данные, характерные для патронимической организации, автор раскрывает особенности форм поселения, которые, по вполне справедливому заключению С. С. Агашириновой, несут явные следы патронимической организации.

В работе приводится большой материал о праздниках и обрядах, объединяющих членов патронимии, об общих для них культовых местах, а также о «квартальных ширах».

Хорошее впечатление оставляет и глава, посвященная жилищу, где после краткого описания усадьбы дается развернутая картина различных типов жилищ, в частности одноэтажного и двухэтажного саманного или каменного дома (предназначенного для большой семьи), в котором первый этаж отводился под крытый двор, а второй под жилище. Каждый дом состоял из трех основных элементов — *кивал* (жилая комната), *цур* (хлев) и *квал* (крытый двор), причем по мере развития жилого комплекса в нем появлялись все новые помещения хозяйственного назначения. Вместе с тем шел процесс сегментации жилой площади по брачным парам, отражающий как бы постепенный распад большой семьи. По богатству этнографического материала и тщательности документации эта глава является одной из лучших в рецензируемой работе.

С. С. Агаширинова не ограничивается описанием двух основных типов лезгинского жилища, она показывает эволюцию каждого из них соответственно этапам развития семьи, что нам кажется вполне оправданным. Это тем более следует отметить, что в этнографической литературе имеется точка зрения, отрицающая какую-либо внутреннюю связь между типом жилища и формой семьи.

За жилищем следует довольно подробная характеристика хозяйственных построек усадьбы лезгин. Удачно дополняет эту главу параграф, посвященный строительным

материалам и технике строительства. Считая, что основными видами строительного материала у лезгин являются саман, камень и дерево, автор специально останавливается на значении самана, применение которого было продиктовано естественного географическими условиями, в частности природными ресурсами и климатическими особенностями. Приведены зарисовки и фотоснимки строящихся жилых комплексов, что дает наглядное представление как о строительном материале, так и о строительной технике. Глава закономерно завершается параграфом, в котором рассматриваются интерьер и домашняя утварь лезгинского жилища, в результате чего читатель получает полное представление не только об уровне народного зодчества, но и об особенностях семейного быта. В отдельных случаях автор приводит параллели из быта других народов горного Дагестана, что делает его рассуждения более убедительными с точки зрения общедагестанских аналогий.

Очень интересна и информативна глава об одежде, в которой подробно рассмотрена мужская и женская (повседневная, свадебная и траурная), а также детская одежда лезгин, обувь, способы ношения головных платков и т. д. Весь приведенный материал по одежде и украшениям позволяет сделать выводы о культурно-исторических связях между народами горного Кавказа.

Интересное исследование С. С. Агашириновой заканчивается главой, посвященной пище — элементу культуры, сравнительно лучше, чем другие, сохранившему этническую специфику.

Рецензируемая монография охватывает широкий круг вопросов и, естественно, не все они рассмотрены с одинаковой полнотой.

Выбор в качестве объекта исследования материальной культуры полностью соответствует нынешнему этапу развития советской этнографии, твердо взявшей курс на специализацию по ее традиционным разделам: материальная культура, хозяйственный быт, социальные взаимоотношения, духовная культура. Это, однако, не исключает комплексного подхода, но, естественно, не за счет глубины исследования, а путем оптимального сочетания широты исследования с его глубиной. В этом смысле включение в работу, посвященную материальной культуре лезгин, такого, по существу самостоятельного, раздела этнографии, как хозяйственный быт, оправдано, так как оно дает возможность поставить вопрос о характере влияния земледелия и скотоводства на формы и сущность рассматриваемых в ней памятников материальной культуры и форм семейно-общественного быта.

Остановимся на отдельных недочетах работы, которые, однако, не снижают общей ее высокой оценки.

Понятиями «семейная община» и «большая семья» автор пользуется в качестве синонимов (с. 121, 129, 131 и др.), в результате чего получается, что у лезгин в XIX и даже в начале XX в. существовала семейная община, являвшаяся, как известно, ячейкой родового общества, продуктом его сегментации, тогда как ко времени присоединения к России оно было давно изжито народами Кавказа. Это распространенное ранее мнение нельзя считать правильным. В зафиксированной у народов горного Кавказа большой семье были все признаки перерождения семейной общины в большую семью, что находило свое наиболее наглядное выражение в сегментации семьи и разделе общесемейного имущества; к тому же издавна существовавшие отходничество и извозный промысел, как на это указывает и сам автор в специальном параграфе первой главы (с. 44), конечно, не могли оставить места для семейно-общинной идиллии. Именно этими соображениями и мотивируется кое-где употребляемое автором выражение «пережитки большой семьи» (с. 122), которое, нам кажется, больше соответствует фактическому положению вещей, т. е. в данном случае степени сохранности традиционных форм семейного быта.

В некоторых случаях автор говорит об «отцовской семье» (с. 131, 133, 135), не учитывая, что в специальной литературе эта семья противопоставляется «братской семье»¹.

При рассмотрении форм поселений и типов жилища автор, давая оригинальную классификацию, не мотивирует ее и не выявляет своего отношения к существующим схемам².

В работе особое место занимает проблема семейно-общественного быта, в том числе и патронимии. Эта часть монографии — одна из лучших.

Вместе с тем хочется напомнить автору, что за последние годы накопился свежий материал и появились новые публикации о кавказской патронимии. В этих работах, в том числе и в дискуссии, проведенной журналом «Советская этнография» по вопросу об историческом соотношении патронимии, семьи и рода, делается, по нашему мнению, аргументированная попытка рассмотреть патронимию народов Кавказа не как разветвление рода или его непосредственное продолжение, а как более позднее явление, возникшее в результате сегментации большой семьи.

Не учтена в монографии в должной мере и более ранняя литература, в том числе и работы по лезгинам. Так, например, касаясь патронимии, автор говорит о том, что

¹ См. Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973.

² См.: М. В. Витов. О классификации поселений. — «Сов. этнография», 1953, № 3; о классификации жилища см. В. П. Кобычев, А. И. Робакидзе. Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа (Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу). — «Сов. этнография», 1967, № 2.

³ См. «Сов. этнография», 1967, № 6; 1968, № 4, 5; 1969, № 3.

«названия сихил и тухум лезгины применяют в основном в одном и том же значении» (с. 138), однако затем, как было указано выше, приводит примеры раздельного их употребления, правда, по некоторым районам. В то время как существует мнение о другом соотношении этих двух понятий, согласно которому «...сихил напоминает одну из форм патронимии, возникшей в результате распада тухума, отпочкования от него отдельных „отцовских“ и „братских“ семей»⁴. Вообще, судя по имеющейся литературе, существуют диаметрально противоположные точки зрения по этому вопросу, что необходимо было в какой-то степени отразить.

В процессе дальнейшей работы над указанной проблемой желательно уделять больше внимания использованию сравнительных данных из быта соседних с лезгинами народов Кавказа, например, довольно интересных данных М. Мамакаева и др. по патронимии чеченцев⁵.

В текст монографии вкралась досадная описка — «хевсуры и грузины» (с. 121); хевсуры — этнографическая группа грузин, и поэтому такое противопоставление неправомерно.

В заключение хочется еще раз отметить, что «Материальная культура лезгин» С. С. Агашириновой представляет большой интерес для кавказоведа любого профиля. В ней дана вполне оправдавшая себя попытка в одной работе осветить важнейшие стороны культуры и быта лезгин во взаимосвязи хозяйственного быта, материальной культуры и семейно-общественных отношений, в результате чего этнографы, историки, археологи, работники смежных дисциплин получили возможность включить в свои разрабатываемые серии новых материалов, опереться на аргументированные выводы автора, создать себе конкретное представление об истории, культуре и быте лезгин, внесших немаловажный вклад в общекавказскую цивилизацию.

А. И. Рабакидзе

⁴ М. М. Ихиллов. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967, с. 175.

⁵ М. А. Мамакаев. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

М. Н. Серебрякова. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне (новейшее время). М., 1979, 176 с.

Советская наука уделяет значительное внимание этнографии современной Турции. В последние годы появился ряд трудов, посвященных материальной и духовной культуре населения этой страны, этногенетическим процессам, комплексному изучению народов¹. При этом, однако, некоторые важные проблемы, касающиеся отдельных сторон общественной жизни, в частности, этнографические аспекты семьи и брака турок, не получили достаточного освещения в работах советских, да и зарубежных туркологов. Рецензируемая книга существенно восполняет этот пробел. Это первое в советской литературе монографическое исследование семьи и семейной обрядности у народов Передней Азии.

Работа М. Н. Серебряковой состоит из введения, трех глав и заключения.

Небольшое введение посвящено главным образом историографическому обзору. Из этого обзора видно, что книга написана на основании обширного круга источников и исследований, в том числе на турецком языке (список источников и литературы, приложенный к книге, насчитывает свыше 250 названий).

В первой главе, «Современная сельская семья у турок», М. Н. Серебрякова, кратко охарактеризовав хозяйство турецкой деревни, рассматривает затем различные типы семьи и внутрисемейных отношений у турецких крестьян. Она приходит к выводу, что «в ряде районов современной Анатолии в деревне бытуют различные формы семьи, причем примерно две трети — это семьи малые, а среди остальных большинство составляют семьи, которые можно характеризовать как «неразделенные» (с. 41). Во многих

¹ См.: А. Д. Новичев. История Турции, т. 1—2. Л., 1963—1968; Д. Е. Еремеев. Юрки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969; П. П. Моисеев. Аграрный строй современной Турции. М., 1970; Д. Е. Еремеев. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971; В. П. Курылев. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время). М., 1976, и др.